

УДК 902/904

РУССКИЕ И МОРДВА В XIII–XV ВВ.: РАССЕЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

© 2020 г.

Н.Н. Грибов

Институт археологии Российской академии наук, Москва

nnhora@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.04.2020

Обобщены материалы археологических исследований, отражающих расселенческий аспект проблемы взаимодействия русских поселенцев и мордвы в районах, тяготеющих к окскому устью, в XIII–XV вв. Определены районы расселения мордовского и русского населения, выяснено пространственное и ландшафтное соотношение соответствующих ареалов, их историческая динамика. Обоснован вывод о разных экологических нишах, осваиваемых представителями этих двух этнокультурных групп.

Ключевые слова: расселенческий аспект этнокультурного взаимодействия, археологические данные, ареал, экологическая ниша, Волго-Окское Правобережье, устье р. Оки, мордва, русские поселенцы, развитие Средневековья, средневековое расселение.

Вопрос о взаимодействии средневекового славяно-русского населения с финноязычными народами – далёкими потомками первопоселенцев лесной зоны Восточной Европы – давно поставлен в отечественной историографии [1, с. 299]. В первой половине XIII в. новой географической ареной такого взаимодействия становится район Волго-Окского Правобережья, тяготеющий к устью р. Оки, а мордва – его главным участником со стороны субстратного населения. Знаковым событием стало строительство здесь в 1221 г. Нижнего Новгорода – второго после Городца-на-Волге крупного городского центра, заложенного потомками Юрия Долгорукого на волжском берегу за восточными пределами староосвоенного Волго-Окского междуречья.

Выяснение ареалов расселения русских и мордвы, их пространственного и ландшафтного соотношения, очевидно, способствовало бы лучшему пониманию уклада взаимоотношений этих двух групп средневекового населения. Однако расселенческий аспект проблемы долгое время не привлекал внимания исследователей. Интерес к нему в значительной степени выхолащивало господствующее представление о строительстве Нижнего Новгорода на «землях мордвы», априори предполагающее изначальное пересечение соответствующих ареалов, а затем непрерывный рост одного из них за счёт другого.

В период начального накопления сведений об археологических памятниках Восточной Европы научные представления о районе проживания средневековой мордвы основывались, главным образом, на топонимике. Территория распространения гидронимов мордовского про-

исхождения, тяготение к ней области с известными на конец XIX в. мордовскими древностями привели к заключению о том, что в Средневековье мордовским расселением было охвачено целиком всё Окско-Сурское междуречье – обширное водораздельное пространство, ограниченное долинами рек Волги, Оки, Суры и притоками р. Мокши [2, с. 35]. На исторических картах именно эта область показана как место проживания мордовских племён [3, с. 34].

Убеждённость исследователей в заселении средневековой мордвой северной, примыкающей к устью р. Оки, периферии этой области ещё перед основанием г. Нижнего Новгорода подкреплялась сведениями из «Нижегородского летописца» – компилятивного в части средневековых известий сочинения, составленного в среде нижегородского духовенства в конце 50-х гг. XVII в. [4, с. 121, 136]. В статьях этого источника, затрагивающих историю появления города в окском устье, содержится прямое указание на первопоселенцев этих мест («А преж сего владели тою землею погани – мордва» [4, с. 136]), которых основатель Нижнего Новгорода, великий владимирский князь Юрий Всеволодович, «...отогнал, и жилища их и зимницы разорил» [4, с. 136], «...и землю у них отнять» [4, с. 140]. Князю городецкому и нижегородскому автор «Летописца» приписывает повеление русским людям селиться в городских окрестностях, в том числе – на мордовских селищах [4, с. 136]. Известия о строительстве Нижнего Новгорода во владениях мордвы, об «отъятии» у неё земли, как и упоминание об «отгоне» от нового города, отсутствуют в наиболее аутентичном источнике – Лаврентьев-

ской летописи, сообщающей об организованных Юрием Всеволодовичем походах на мордву в 1226, 1228–1229, 1232–1233 гг. и об ответной военной акции – нападении мордвы Пургаса на Нижний Новгород [5, стб. 448–451, 459]. Простое «суммирование» сведений из «Нижегородского летописца» и Лаврентьевской летописи, подкреплённое местным «фольклором» – опубликованными в середине XIX в. литературными произведениями нижегородских краеведов о поселении – предшественнике города Юрия Всеволодовича, мордовском Абрамове городке [6], заложили основу представлений о строительстве Нижнего Новгорода в пределах мордовских владений [7, с. 398; 8, с. 80; 9, с. 417, 418; 10, с. 29]. Внедрение в практику локальных исторических исследований методов критического анализа, текстологии, привело к появлению работ, указывающих на возведение Нижнего Новгорода, скорее, в незаселённой местности – удалённой от летописной Мордовской земли [11, с. 191, 192; 12, с. 409; 13, с. 339; 14, с. 877, 882]. Для обоснования этого вывода исследователи воспользовались и результатами отдельных археологических исследований, проведённых преимущественно в Нижегородском кремле в 1960-х – 1990-х гг. [11, с. 191, 201, 202].

Интерес к истории средневекового расселения в Нижегородском Поволжье заметно возрос после начала систематических археологических исследований в 90-х гг. XX в. В 1997 г. выходят статьи И.С. Аникина, посвящённые финским средневековым поселениям Нижегородской области [15; 16]. Вопрос о расселении коренных обитателей Нижегородского края до прихода русских колонистов автор предложил решать на археологических данных, подчёркивая методические трудности хронологического разделения русских и мордовских памятников [15, с. 5, 6; 16, с. 3]. В 2000 г. появляется диссертационное сочинение, нацеленное на выяснение истории славяно-русского расселения в Нижегородском Поволжье [17]. Одна из его глав посвящена рассмотрению взаимодействия колонистов с местным населением. Сопоставление ареалов русского расселения и географии проживания мордвы в разные периоды Средневековья показало, что эти группы населения в XIII–XIV вв. заселяли различные территории. Именно эта особенность была выделена в качестве одного из важнейших факторов, определивших характер межэтнических взаимоотношений [17, с. 197]. При интерпретации обнаруженных в «русском» ареале финских поселений автор был близок к мысли о единовременном чересполосном расселении русских и мордвы в окрестностях Нижнего Новгорода в XIII–XIV вв. [18; 19].

Фонд археологических источников по истории средневекового освоения района устья р. Оки значительно пополнился в последние два десятилетия. За этот период проведены масштабные раскопки в Нижнем Новгороде, на нижегородских селищах, выявлены десятки средневековых памятников в городской округе. К неожиданным выводам привели результаты исследования финского Подвязьева могильника [20], мордовского Саровского городища [21], поселения Курмыш-4 – одного из крупнейших поселенческих центров времён Нижегородско-Суздальского княжества [22]. Не так давно завершена публикация четырёхтомной Археологической карты России по Нижегородской области – полного свода кратких сведений обо всех местных археологических памятниках. Опубликованы аналитические обобщения, затрагивающие историю освоения территории Нижнего Новгорода [23], историю расселения отдельных поволжско-финских народов [24–26]. Кроме новых археологических данных, в последние годы появились источниковедческие работы, позволяющие существенно скорректировать выбор памятников письменности – опорных для исторического осмысления археологических источников [4; 11; 13]. Назрела необходимость в хотя бы кратком обобщении и переосмыслении всех имеющихся археологических данных, способных пролить свет на материальную, «земную», основу взаимоотношений представителей двух основных этнических групп, населявших Волго-Окское Правобережье в эпоху развитого Средневековья. Этому и посвящена настоящая статья.

В центре внимания будут находиться процессы той активной фазы славяно-русского освоения Волго-Окского Правобережья, начало которой ознаменовалось заложением Нижнего Новгорода, а завершение – кризисными явлениями, отчётливо проявленными в городских культурных напластованиях уже в начале – первой половине XV в. Первостепенную по важности территорию будет определять связанный с городом плотно заселённый в XIII–XIV вв. ландшафтный район летописного Берёзова Поля, вытянутый вдоль бровки Волго-Окского берегового откоса на 80 км и ограниченный с южного направления руслами рек Кудьмы и Кишмы [23, с. 240, 241]. В настоящее время этот район, соответствующий северной периферии Волго-Окского Правобережья, можно отнести к наиболее археологически изученным территориям Нижегородского Поволжья. При рассмотрении мест проживания мордвы географические рамки обзора будут расширены за пределы Нижегородской области и приведены

в соответствие масштаба видения района окского устья древнерусскими книжниками при обзоре народов, населяющих Русскую землю. Упомянутое в «Повести временных лет» место «...по Оце реце кде втечь въ Волгу...», как район проживания муромы, черемис и мордвы [5, стб. 10, 11], вряд ли следует понимать дословно и ограничивать исключительно побережьем р. Оки вблизи её устья. На таком географически «узком» варианте прочтения соответствующего летописного текста настаивают отдельные исследователи [14, с. 868]. По мнению автора, область, упоминаемая в связи с указанием мест, заселённых представителями этих трёх поволжско-финских народов, наиболее адекватно можно локализовать по распространению соответствующих археологических памятников XI–XIII вв. Упомянутый в летописном тексте приустьевый участок течения р. Оки лишь обозначает условный географический центр этого района. На Волго-Окском Правобережье его южная граница удалена от окского устья более чем на 200 км [24, с. 55, рис. 3].

В настоящее время средневековое освоение северной периферии Волго-Окского Правобережья может быть прослежено на широкой исторической перспективе. Появление финских грунтовых погребений вблизи устья р. Оки фиксируется вскоре после сложения характерной для них материальной культуры – в середине – второй половине III в. [27]. Датированные в указанных рамках наиболее ранние комплексы Подвязьевского могильника, расположенного на правом коренном берегу р. Оки в 43 км от её устья, напоминают погребения кошибеевского этапа рязано-окских могильников [28, с. 192–194]. Главной особенностью их погребального инвентаря является массовое присутствие вещей, типичных для памятников Прикамья и курганов позднесарматской культуры. В гуннский период, в конце IV – середине V в., происходит инкорпорация в местную среду переселенцев из западных областей (Поднепровья или Окско-Донского междуречья), внёсших заметный вклад в изменение местного костюма и погребальной обрядности. С мигрантами, очевидно, связано и заметное увеличение численности местного населения. В результате этих процессов в восточной части Волго-Окского междуречья, на берегах Волги и Оки, в устье р. Ветлуги появляются погребальные памятники, объединённые по культурным особенностям в группу могильников безводнинско-ахмыловского круга [26, с. 160–166, 184, 185, 221; 29, с. 23, 57]. Географическим центром расселения носителей новой культурной традиции становится окское устье.

Ареал безводнинско-ахмыловских могильников с южной стороны граничит с областью распространения мордовских памятников. Их обособление от последних отчётливо прослеживается по специфическим чертам погребальной обрядности, составу женских украшений, искусственным примесам в формовочных массах керамических сосудов.

Последний «маркер» имеет особое значение: он позволяет отличать мордовские селища от поселенческих памятников носителей безводнинско-ахмыловских традиций даже по подъёмному керамическому материалу. Минеральная составляющая рецептуры формовочных масс керамической посуды безводнинско-ахмыловских памятников, кроме песка и шамота, в 30–50% случаев представлена дресвой магматических горных пород моренного происхождения, а мордовских – исключительно шамотом.

В районе летописного Берёзова Поля и в ближайших окрестностях Нижнего Новгорода в настоящее время известно двенадцать финских селищ. Собранные на них керамические комплексы включают в себя керамику и с примесью дресвы [16, с. 6]. Раскопки, проведённые И.О. Ерёмным на одном из таких памятников, на поселении Доскино-7, подтвердили его предварительную датировку в пределах середины – второй половины I тыс. н.э. [30, с. 234, 235]. Эти данные делают несостоятельным предположение о единовременном функционировании русских и финских поселений в окрестностях Нижнего Новгорода, о чересполосной структуре расселения русских и мордвы в XIII–XIV вв.

Финский этап активного освоения междуречья рек Оки, Волги, Кудьмы и Кишмы завершился уходом отсюда населения, оставившего безводнинско-ахмыловские могильники, вблизи рубежа VII–VIII вв. Синхронность прекращения их функционирования с появлением наиболее ранних погребений на соседних с ними марийских и муромских памятниках, отчётливые параллели с ними в инвентаре и погребальной обрядности – всё это позволяет с большой долей уверенности рассматривать безводнинско-ахмыловское население в качестве прямых и общих предков средневековых марийцев и муромы [26, с. 221; 31, с. 150; 32, с. 134].

Следующий этап активного освоения северной периферии Волго-Окского Правобережья связан с русскими поселенцами. Их появление в прибрежных районах Окского Правобережья обусловлено строительством древнерусского г. Муромы [33]. В 2017 г. автором были получены данные, указывающие на появление первых и, очевидно, весьма малочисленных русских поселений на берегах Низовой Оки (ниже устья

р. Клязьмы) ещё в предмонгольский период и, скорее всего, – ещё до основания г. Нижнего Новгорода [34, л. 57]. Белоглиняная керамика, обнаруженная при шурфовке селища Подвязье-3, расположенного на правом берегу р. Оки в 44 км от её устья, свидетельствует о тесной связи жителей этого домонгольского поселения с муромской округой [34, л. 56]. Вместе с тем результаты многочисленных археологических разведок в ближайших окрестностях Нижнего Новгорода убеждают в том, что до основания города связанная с ним местность продолжительное время, по крайней мере с середины VIII в., оставалась пустыней или очень слабо заселённой [35]. Только после строительства Нижнего Новгорода на северной периферии Волго-Окского Правобережья складывается разветвлённая сеть русских поселений.

Важнейшим источником, позволяющим анализировать пространственно-ландшафтное соотношение мест проживания русских поселенцев и мордвы в эпоху развитого Средневековья, может служить специально составленная почвенно-археологическая карта (рис.). На ней нанесены наиболее массовые виды археологических русских и мордовских памятников, а также границы распространения различных типов почв, отражающих ландшафтное своеобразие связанных с ними районов¹.

Результаты картирования русских поселений позволяют локализовать освоенную русскими территорию на северной, северо-западной и северо-восточной окраинах Окско-Сурского междуречья. Географически заселённый «русский» район тяготеет к долинам трёх наиболее крупных рек – Оки, Волги и, в какой-то степени, Суры. Удаление соответствующих памятников от указанных водных магистралей, за редким исключением, не превышает 20–25 км.

Расселение мордвы, вопреки традиционным представлениям, в XI–XIV вв. не охватывало целиком всё Окско-Сурское междуречье, а в относительной близости от окского устья было сосредоточено только в трёх компактных районах – северном, южном и восточном.

Северный район охватывал междуречье рек Кудьма, Серёжа и Сундовик. От устья р. Оки он удалён на 50 км к югу. Освоенная русским населением, тяготеющая к Нижнему Новгороду, область была отделена от северной периферии района пустынной незаселённой полосой «отчуждения» шириной 15–20 км, выявленной археологической разведкой на правобережье р. Кудьмы [15, с. 9, 10]. В XVIII–XX вв. эта область приобрела известность как место проживания обрусевшей терюханской мордвы. В настоящее время погребения периода развитого

Средневековья, датируемые в пределах XIII–XIV вв., известны здесь на четырёх могильниках – Сарлейском, Малотерюшевском, Старосельском и Помринском. Наиболее ранние представительные комплексы относятся к XIII в. Интересной и яркой культурной особенностью двух местных памятников – Сарлейского и Малотерюшевского могильников – являются подкурганые погребения, близкие по совокупности признаков захоронениям отороченного населения донецких степей [40, с. 34; 41]. На половцев, входивших в дружину сына некоего Пуреша и участвующих в противостоянии с мордвой Пургаса на стороне владимирского князя, указывает Лаврентьевская летопись [5, стб. 451]. Погребения степняков эпохи Золотой Орды, обнаруженные на ближайших к окскому устью мордовских могильниках, можно рассматривать как свидетельство инкорпорации какой-то части половецких переселенцев в среду местной мордвы. Этот вывод созвучен с мыслью о пребывании половцев к югу от Нижнего Новгорода ещё в первой половине XIII в., высказанной ранее на основании анализа летописных текстов [14, с. 879, 883].

Южный район локализуется в Мокшанско-Тёшинском междуречье. Линия его условной северной границы удалена на 100 км к югу от окского устья. Это компактная территория, которая была наиболее плотно заселена мордвой в XI–XIII вв. Во всём ареале мордовского расселения (I–XVIII вв.) нигде нет такого компактного сосредоточения памятников предмонгольского периода. Район маркируется могильниками, городищами и селищами. Многие из неукреплённых поселений имеют значительные размеры, достигая десяти и более гектаров. Район вытянут по левобережью р. Тёша на 70 км. По площади (2800 кв. км) он близок летописному Берёзову Полю (2790 кв. км). Присутствие здесь упоминаемых при описании похода 1229 г. мордовских городищ-«твердей» [42] и топонимов с корневой основой «Пургас» [43, с. 187, 188] подтверждает связь этой области с летописной Пургасовой волостью, в которую совершали походы русские князья сразу после основания города в устье Оки [24, с. 56]. В южной части указанной территории расположено большое Саровское городище, выполнявшее, вероятно, роль своеобразного военно-административного центра [21]. В настоящее время оно является крупнейшим поселением мордвы XI–XIII вв. и третьим по площади (44 га) средневековым поселенческим памятником Нижегородского Поволжья (после Нижнего Новгорода и Городца-на-Волге).

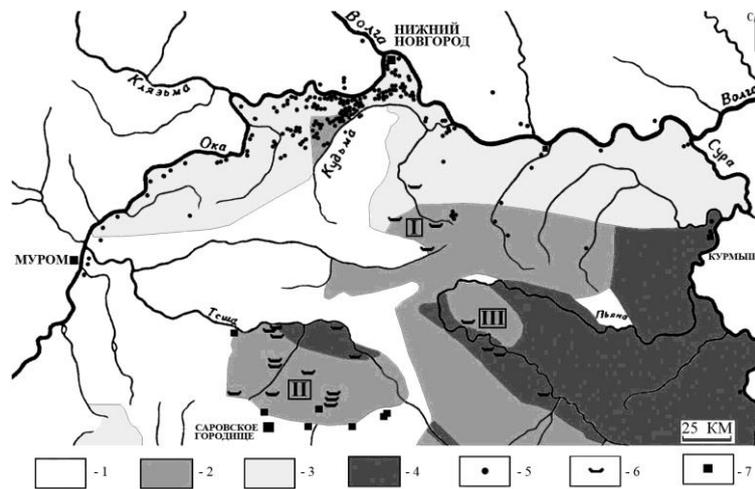

Рис. Основные группы почв: 1 – дерново-подзолистые (гумус до 1.6%), 2 – светло-серые лесные (гумус до 2.5%), 3 – серые и тёмно-серые лесные (гумус до 5.1%), 4 – чернозёмы (гумус до 9.8%). Памятники: 5 – русские селища XI – начала XV вв., 6 – мордовские могильники с комплексами XI–XIV вв., 7 – городища. Районы мордовского расселения: I – северный, II – южный, III – восточный

В эпоху Золотой Орды Мокшанско-Тёшинское междуречье заустевает, основная часть местного населения, скорее всего, переселяется, пополняя население междуречья рек Кудьмы, Серёжи и Сундовик, Верхнего Попьянья, или уходит на Среднюю Волгу, где ещё с XIX в. известны мордовские могильники указанного временного промежутка [24, с. 60].

Северный и южный районы мордовского расселения по взаимному расположению и некоторым другим признакам могут быть поставлены в соответствие двум потестарным мордовским сообществам второй четверти XIII в., разделённым не только по политическим предпочтениям, но и территориально. На их существование указывал А.Н. Насонов, опираясь на сведения из Лаврентьевской летописи [43, с. 187, 188]. По мнению исследователя, одно из объединений мордвы, известное по упоминанию половцев и «ротника» владимирского князя Пуреша, территориально располагалось где-то в относительной близости от р. Волги, другое, образующее «Пургасову волость», напротив, находилось на большом удалении от окского устья.

Третий, *восточный*, район мордовского расселения вблизи устья р. Оки связан бассейном р. Пьяна. На определяющих его памятниках развитого Средневековья изученные комплексы датируются эпохой Золотой Орды (XIII–XIV вв.). Самый известный из них – Гагинский могильник. От устья р. Оки эта область удалена на 150 км к юго-востоку.

Эти три ближайших к окскому устью района мордовского расселения, очевидно, можно отнести к традиционным местам проживания представителей этого народа. В каждом из них

известны раннесредневековые памятники древнемордовской культуры. Каждый из них имеет ещё далеко не выясненную во всех подробностях непростую демографическую историю, состоящую из периодов как «спадов», так и «подъёмов». Связанная с Нижним Новгородом северная периферия Волго-Окского Правобережья, летописное Берёзово Поле, никогда не входили в состав коренных территорий расселения средневековой мордвы. Последнее не исключает использования этих мест в качестве охотничьих или иных промысловых угодий, эпизодического пребывания здесь малых подвижных коллективов, оставивших после себя маловыразительные и сложноуловимые следы в виде остатков небольших и пока ещё не обнаруженных сезонных поселений. В середине – третьей четверти I тысячелетия н.э. этот район был заселён представителями другой ветви поволжских финнов, далёкими потомками которых являются современные представители марийского народа. По этнографическим данным именно марийцам район окского устья до недавнего времени был памятен как часть «земли предков» [44, с. 23–25].

Вместе с тем на присутствие мордвы среди средневекового населения Нижегородской округи указывают результаты раскопок, как в самом Нижнем Новгороде, так и на окрестных селищах. Кроме характерных для мордовского костюма бронзовых кольцевых застёжек, об этом свидетельствуют находки фрагментированной лепной мордовской керамики с примесью шамота. В небольших количествах, но систематически, образцы изготовленной мордовскими мастерами посуды встречаются и на нижегородских раскопках, и в черте сельских памятни-

ков – как на крупных владельческих сёлах, так и на малодворных поселениях. Многие осколки мордовской посуды имеют следы нагара, указывающие на её местное использование для приготовления пищи. Средняя доля мордовской керамики в средневековой керамических комплексах Нижнего Новгорода и памятников его округа колеблется от 0.2 до 2% [45, с. 81, табл. 5). С пребыванием в городе на окском устье мордовского полона, захваченного в результате январского похода 1229 г., возможно, связаны редкие пока не опубликованные фрагменты лепной мордовской посуды, обнаруженные в древнейшей прослойке городского культурного слоя, вскрытой при раскопках Нижегородского кремля под руководством автора в 2018 г. [46]. Заметный прирост количества образцов мордовской керамики фиксируется в кризисный для Нижнего Новгорода период середины – второй половины XV в. На предместном памятнике этого времени она представлена широким набором традиционных форм, а её содержание достигает 3% [23, с. 160–164].

Важно отметить, что распределение фрагментов лепной посуды на раскопанных участках нижегородских памятников не имеет тенденции к какой-либо планиграфической или стратиграфической группировке. Лепная керамика повсеместно встречается в единых комплексах с численно преобладающими осколками русской гончарной посуды. Таким образом, контекст находок мордовской керамики в Нижнем Новгороде и на селищах его округа позволяет интерпретировать их как следы инкорпорации отдельных представителей мордовского народа в преимущественно славяно-русскую среду средневековых нижегородцев.

Механизм инкорпорации, скорее всего, был обусловлен институтом рабовладения, повсеместно распространённым в средневековом Поволжье в специфических для него формах [47, с. 136–138]. Одним из основных источников пополнения рабов в рассматриваемый период был захват пленных. Первое летописное упоминание об отправленном в Нижний Новгород мордовском полоне датируется 1229 г. [5, стб. 451]. Известие о пленении в Мордовской земле детей и женщин встречается в статье «Рогожского летописца», описывающей события зимы 1377–1378 гг. [48, стб. 120]. Проникновение в чужеродную среду плененной мордвы, очевидно, не являлось сугубо «односторонним» процессом. Древнерусская керамика со следами нагара, обнаруженная при раскопках Саровского городища, возможно, является отражением внедрения в мордовские общины и русских полоняников [21, с. 46]. В этой связи летописная

Пургасова Русь [5, стб. 451], породившая множество интерпретаций у исследователей [11, с. 204–206; 14, с. 874–876], возможно, представляла собой сообщество русских людей, попавших в «холопскую» зависимость от вождя одного из мордовских племенных объединений.

Первые письменные свидетельства о стремлении нижегородцев прирастить освоенную территорию за чертой летописного Берёзова Поля – в сторону владений мордвы датируются серединой XIV в. По сообщению Особой редакции Типографской летописи, в это время наиболее знатный и богатый нижегородский купец Тарасий Петров выкупил у местного «князя» земли на берегах р. Сундовик в 70 км к юго-востоку от Нижнего Новгорода и основал здесь шесть сёл [49, с. 247]. Эти сёла, благодаря приведённым в источнике названиям, могут быть соотнесены с существующими населёнными пунктами. Три из них (Мунарь, Городище и Салово) в последние годы удалось локализовать археологически [30, с. 257, 258, 351]. Среди образцов посудной керамики, собранных на селищах в бассейне р. Сундовик, выделяются обломки гончарных изделий с примесью дроблёного шамота, что можно трактовать как следствие постепенной утраты коренным мордовским населением специфических этнографических признаков в местах расселения русских колонистов [50, с. 21].

Наиболее ярко изменение традиционных гончарных традиций мордвы под влиянием производственных навыков русских мастеров «кружального дела» проявилось в Посурье – на восточной окраине владений нижегородских князей. В ближайших окрестностях летописного г. Курмыш, на поселении Курмыш-4, доля гончарной посуды с примесью шамота, стилизованной под русские образцы, достигает 9.2%, а традиционной для мордвы лепной – 7.7% [22].

В условиях прироста численности русского населения на восточной периферии Нижегородско-Суздальского княжества неизбежной стала ассимиляция части местной мордвы, влившейся в состав жителей русских селений и постепенно утратившей многое из своей этнической идентичности. Тем не менее ещё в XIV в. значительная часть мордовского населения в 50–60 км от г. Нижнего Новгорода сохраняла свою традиционную культуру и, очевидно, свои традиционные общественные институты. За пределами «русских» районов материальная культура местной мордвы оставалась консервативной и не испытывала сколько-нибудь сильного влияния со стороны насельников Нижегородской округи. Погребения XIII–XIV вв. могильников ближайшего к Нижнему Новгороду «терюхан-

ского» района не содержат изделий русских ремесленников, а меридиональная ориентировка погребённых вместе с составом погребального инвентаря не оставляют сомнений в бытовании здесь традиционного «языческого» погребального обряда. Как своеобразный факт терпимости нижегородцев к обычаям коренного населения в более позднее время, известное, скорее, по конфликтам с мордвой на религиозной почве, можно истолковать обнаружение в самом Нижнем Новгороде захоронений, совершённых в соответствии с мордовскими обычаями. Они были обнаружены в 1877 г. при раскопках, проведённых в черте ограды Покровской церкви [51, с. 31]. По типам встреченного погребального инвентаря раскопанные на главной улице Нижнего Новгорода «языческие» захоронения соответствовали изученным ранее комплексам мордовского Рыбушкинского могильника XVI–XVIII вв. [52, V. 80].

Единичные враждебные акции со стороны коренного населения, зафиксированные летописями в Нижегородском Поволжье на протяжении XIII и XIV столетий, всякий раз, очевидно, представляли собой реакцию на эпизодические вторжения русского войска в районы, традиционные для проживания мордвы. Так, нападение Пургаса на Нижний Новгород в апреле 1229 г., скорее всего, являлось своеобразным «ответом» на большой поход в Мордовскую землю, предпринятый владимирским князем в январе того же года. Наведение на русское войско мордовскими старейшинами («князьями») отряда Мамая, предшествующее печально памятному Пьянскому побоищу и последующему разорению Нижнего Новгорода в 1377–1378 гг., очевидно, было вызвано необходимостью скорее избавиться от беспокойного и разорительного соседства с многочисленным русским воинством, представители которого вели себя в чужом краю «...аки дома» [48, стб. 118]. Затянувшееся ожидание орды Арапши среди мордовских селений на устье р. Пары, как известно, сопровождалось опустошением охотничьих угодий, пьянством и, вероятно, традиционным для средневековья пропитанием за счёт местных жителей.

Обращаясь к ландшафтному своеобразию территорий, освоенных русским населением и мордвой, нельзя не отметить существенных различий между ними (рис.). Русское население тяготело к долинам крупнейших рек региона, тогда как области мордовского расселения были удалены от их долин и приурочены к водоразделам на пограничье лесостепи и смешанных лесов. По содержанию гумуса и плодородию светло-серые почвы средневековой «житницы»

Нижнего Новгорода – Берёзова Поля – заметно уступали тёмно-серым лесным и чернозёмистым почвам большей части «Мордовской земли». Наиболее привлекательными для русских были берега Оки и Волги. Очевидно, преимущество жизни на больших водных транспортно-торговых путях определяло главную стратегию славяно-русского расселения в районе окского устья. Определяющим природным фактором расселения мордвы являлось плодородие почв, что, очевидно, обуславливалось земледелием как основополагающим направлением хозяйственной деятельности. Районы, почвенный покров которых содержит наибольшее содержание гумуса, значительно удалены к югу и юго-востоку от окского устья. Таким образом, русские и мордва, по крайней мере до определённого времени, проживали в существенно разных ландшафтах. Своеобразие последних определяло не только оптимальные формы адаптации к природным условиям, но и разную степень вовлечённости в международные коммуникации и международный обмен.

Заполнение переселенцами пустующей к 1221 г. «экологической ниши», удалённости связанной с ней территории от традиционных районов проживания коренного населения Окско-Сурского междуречья, очевидно, можно рассматривать как главные предпосылки сравнительно бесконфликтного сосуществования русских и мордвы в средневековый период. Походы в Мордовскую землю во второй половине 20-х – начале 30-х гг. XIII в., скорее всего, были организованы с целью принуждения к данническим отношениям с «проболгарской» частью мордвы [11, с. 198, 199]. Попутно, за счёт полна, вероятно, планировалось увеличить количество рабочих рук в пока ещё слабо заселённой местности на устье р. Оки. Разорение Пургасовой волости не сопровождалось захватом её территории, о чём могло бы свидетельствовать появление русских селений на месте сожженных мордовских сёл и зимниц, не обнаруженных при обследовании покинутых в XIII в. мордовских селищ. «Отгон», оттеснение мордвы от Нижнего Новгорода с целью обеспечения безопасности для городской округи, предполагаемые вслед за автором «Нижегородского летописца» некоторыми исследователями [11, с. 195; 14, с. 884], также, очевидно, не входили в перечень задач, которые планировалось решить военным путём: ближайший к Нижнему Новгороду северный район мордовского расселения активно осваивался мордвой на протяжении XIII – начала XV в. и, вероятно, даже в кризисный для Нижнего Новгорода промежуток середины – второй половины XV в. [53, с. 12].

Примечание

1. Область славяно-русского расселения на карте определяется преимущественно по русским селищам, время функционирования которых укладывается в промежуток XI – начало XV в. В качестве источников для картирования взяты материалы из диссертации и монографии автора [17; 23]. Места концентрации мордовского населения локализованы по распространению мордовских могильников с комплексами XI–XIV вв. Для их нанесения на карту использованы материалы указанного выше диссертационного сочинения, дополненные новыми относительно недавно опубликованными данными по мордовским погребальным памятникам [24; 36; 37]. Границы основных почвенных разностей нанесены в соответствии с почвенной картой Нижегородской губернии профессора Б.П. Серебрякова, составленной по материалам исследований 1924–1926 гг. [38]. Количественные значения содержания гумуса в различных типах почв указаны по данным коллективной монографии по почвам Горьковской области [39].

Сокращения

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук (г. Москва).

ИОЛЕАЭ – Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии.

МарГУ – Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола).

ННГУ – Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород).

Список литературы

1. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. I. Курс русской истории. Ч. I / Под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1987. 432 с.
2. Смирнов И.Н. Мордва: историко-этнографический очерк. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2002. 296 с.
3. Циркин А.В. Русско-мордовские отношения в X–XIV вв. Саранск: Мордовский государственный университет, 1969. 111 с.
4. Шайдакова М.Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2006. 281 с.
5. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 733 с.
6. Кузнецов А.А. Абрамов городок, Старый городок на Дятловых горах: ономастические аспекты развития нарратива о предшественнике Нижнего Новгорода // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических статей. Вып. 14. Н. Новгород: Изд-во Pixelprint, 2016. С. 68–74.
7. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён: в двадцати девяти томах. Т. 2. М.: Полирис, 1998. 559 с.
8. Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М.: Тип. Грачёва И.В., 1877. 338 с.
9. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1956. 480 с.
10. Никитин Н.И. Русская колонизация с древнейших времён до начала XX века (исторический обзор). М.: Институт российской истории РАН, 2010. 224 с.
11. Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Н. Новгород: Комитет по делам архивов Администрации Губернатора Нижегородской области, 2003. С. 193.
12. Кузнецов А.А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в.: особенности преломления источников в историографии. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2006. 539 с.
13. Кузнецов А.А. Мордва X – начала XV в. по общерусским летописям // Финно-угры – славяне – турки: опыт взаимодействия (традиции и новации) / Сост. и общ. ред. А.Е. Загребин, В.В. Пузанов. Ижевск: Удмуртский университет, 2009. С. 334–342.
14. Кузнецов А.А. Этнополитическая ситуация в регионе устья Оки накануне Батыева нашествия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Т. 17. № 4. С. 863–889.
15. Аникин И.С. Население бассейна реки Кудьма в эпоху средневековья (VI – начала XV в.) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических статей / Отв. ред. Е.А. Молев. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1997. С. 3–11.
16. Аникин И.С. Финно-угорские неукрепленные поселения бассейна реки Кудьмы в эпоху средневековья // Древности Нижегородского Поволжья. Вып. 1 / Отв. ред. В.П. Макарихин. Н. Новгород: Российское историческое общество, Нижегородское отделение, 1997. С. 5–15.
17. Грибов Н.Н. История славяно-русского расселения в Нижегородском Поволжье в период XII–XIV вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2000. 298 с.
18. Грибов Н.Н. Мордва в контексте русской колонизации Нижегородской округи XIII–XIV вв. (по археологическим данным) // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории): Тезисы докладов Всероссийской научной конференции 2–3 февраля 2000 г. / Отв. ред. В.В. Гришаков. Саранск: Изд-во Мордовского государственного педагогического института, 2000. С. 63–67.
19. Грибов Н.Н. Мордва в контексте освоения русским населением Нижегородского Поволжья в XIII–XIV вв. // Краеведческие записки. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2006. С. 22–27.
20. Грибов Н.Н. Новые данные по истории освоения Нижней Оки в эпоху раннего средневековья (по материалам Подвязьевского могильника) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани 2014 г. Том II / Отв. ред. А.Г. Ситдинов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 317–319.

21. Грибов Н.Н. Средневековое городище на месте бывшего Саровского монастыря // Древности Нижегородского Поволжья. Вып. 1 / Отв. ред. В.П. Макарихин. Н. Новгород: Российское историческое общество, Нижегородское отделение, 1997. С. 31–58.
22. Грибов Н.Н. Большое неукрепленное поселение в посурских владениях Бориса Константиновича Городецкого // Археология Владимиро-Суздальской Руси. Материалы научного семинара. Вып. 8. М.: ИА РАН, 2018. С. 99–111.
23. Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города // Материалы спасательных археологических исследований. Т. 24. М.: ИА РАН, 2018. – 592 с.
24. Шитов В.Н. Расселение древней мордвы (по материалам погребальных памятников) // Финно-угорский мир: история и современность: Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов (Секции исторических и педагогических наук) / Отв. ред. Н.М. Арсентьев. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2000. С. 52–60.
25. Мартянов В.Н. Древняя история Арзамасского края. Арзамас: Арзамасский государственный педагогический институт, 2004. 443 с.
26. Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.
27. Грибов Н.Н. О времени появления первых финских погребений на Нижней Оке // КСИА. Вып. № 249. Часть 2. М., 2017. С. 28–43.
28. Грибов Н.Н. Подвязыевский могильник на Нижней Оке: культурные особенности и хронология (предварительные итоги исследований 2010, 2012–2015 гг.) // Эпоха Великого переселения народов (Материалы Всероссийской научной конференции «I Старостинские чтения: Опорные памятники Среднего Поволжья и Прикамья первой половины – середины I тыс. н.э.») // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 190–198.
29. Гришаков В.В., Зеленева Ю.А. Муром VII–XI вв.: Учебное пособие. Йошкар-Ола: МарГУ, 1990. С. 77.
30. Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 4 (дополнение к частям 1–3). М.: ИА РАН, 2015. – 478 с.
31. Бейлекчи В.В. Древности летописной муромы (погребальный обряд и поселения). Муром: Изд-во Московского психолого-социологического института, 2005. 275 с.
32. Гришаков В.В. Конские погребения VIII – первой половины X вв. Чулковского могильника // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья: I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.: Межвузовский сборник / Отв. ред. Ю.А. Зеленева. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского государственного университета, 1990. С. 127–146.
33. Грибов Н.Н. Сельская округа средневекового Мурома на правом берегу р. Оки // Уваровские чтения-V: Материалы научной конференции, посвященной 1140-летию г. Мурома. Муром, 14–16 мая 2002 г. / Под ред. Т. Б. Купряшиной и Ю. М. Смирнова. Муром: Стерх, 2003. С. 18–22.
34. Грибов Н.Н. Отчёт об археологической разведке в Богородском районе Нижегородской области в 2017 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 57622. Л. 1–177.
35. Грибов Н.Н. Сопредельные земли Гороховецкой волости на правом берегу Оки: основные вехи средневекового освоения // Гороховец и земли Окско-Клязьминского междуречья в XII–XVII вв.: история и археология: Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2017. С. 63–74.
36. Четвертаков Е.В. Мордовское воинское погребение XIII в. со Старосельского могильника // Поволжские финны на перекрестке эпох: Сборник статей по материалам Вторых и Третьих Дальнеконстантиновских чтений / Под ред. Е.В. Четвертакова, О.В. Гальцевой. Н. Новгород: Новая гуманитарная культура, 2019. С. 5–10.
37. Четвертаков Е.В. Помринский мордовский могильник // Нижегородская мордва: история и культура: Сборник статей по материалам первых Дальнеконстантиновских чтений / Ред. Е.В. Четвертаков, О.В. Гальцева. Дальнее Константиново: Вариант, 2017. С. 6–15.
38. Почвенная карта Нижегородской губернии / Составлена проф. Б.П. Серебряковым и почвоведо-агрономами: С.А. Горшуновым, А.В. Казанским, П.Д. Крыловым, В.М. Троицким, П.Н. Федянцевым под общей редакцией проф. Б.П. Серебрякова. Почвенные исследования 1924–1926 гг. Н. Новгород: Издание Ассоциации по изучению производительных сил Нижегородской губернии, 1929. Л. 1 [Электронный ресурс] // Почвенная карта Нижегородской губернии 1929 г. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/mar-nn_1929-rochva/ (дата обращения: 10.04.2020).
39. Почвы Горьковской области / Научн. ред. Б.А. Никитин. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1978. 192 с.
40. Алихова А.Е. К истории мордвы конца 1-го – начала 2-го тысячелетия н.э. // Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа: Археологический сборник. Т. 2. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1959. С. 13–54.
41. Аникин И.С. Об этнической принадлежности курганных погребений средневековой мордвы (по материалам Сарлейского могильника) // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории): Тезисы докладов Всероссийской научной конференции 2–3 февраля 2000 г. / Отв. ред. В.В. Гришаков. Саранск: Изд-во Мордовского государственного педагогического института, 2000. С. 67–70.
42. Мартянов В.Н. К вопросу о летописных твердях мордвы // Дискуссионные вопросы российской истории: Материалы Второй научно-практической конференции «Дискуссионные проблемы отечественной истории в вузовском и школьном курсах» / Отв. ред. Г.Ш. Сагателян. Арзамас: Арзамасский государственный педагогический институт, 1995. С. 28–31.

43. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: историко-географическое исследование. Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. Изд. 2-е. СПб.: Наука, 2006.
44. Нижегородские маришцы: Сборник материалов для изучения этнической культуры маришцев / Сост. Н.В. Морохин; Научн. ред. В.А. Акцорин. Йошкар-Ола: Центр народного творчества Министерства культуры Республики Марий Эл, 1994. 252 с.
45. Грибов Н.Н. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Сборник научных и методических материалов. Выпуск 10 / Отв. ред. Е.А. Молев. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2006. С. 62–91.
46. Грибов Н.Н. Стратифицированный средневековый горизонт в Нижегородском кремле: условия формирования и предварительная характеристика // КСИА. Вып. № 257. М., 2019. С. 247–260.
47. Архангельский С.И. Волжский водный путь и Нижегородский край в XIII–XV веке // Нижегородский краеведческий сборник. Труды Нижегородского научного общества по изучению местного края. Т. 2. Н. Новгород: Тип. «Нижполиграф», 1929. С. 126–145.
48. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.
49. Насонов А.Н. Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения / Отв. ред. А.А. Новосельский. Вып. VI. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 235–276.
50. Аникин И.С. Комплекс средневековых археологических памятников у д. Городищи // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Сборник научных и методических материалов / Отв. ред. Е.А. Молев. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2001. С. 16–23.
51. Антропологическая выставка. Т. II // Известия ИОЛЕАЭ. Т. XXXI. М.: Издание Комитета выставки, 1878–1879. С. 423.
52. Mainov V. Les restes de la mythologie Mordvine // Journal de la Societe Finno-ougrienne. Helsinki, 1889. V. 4–291.
53. Здобников П.П., Четвертаков Е.В. Комплекс археологических находок с мордовского селища Помра 4 (урочище Старая Помра) // Поволжские финны на перекрестке эпох: Сборник статей по материалам Вторых и Третьих Дальнеконстантиновских чтений / Под ред. Е.В. Четвертакова, О.В. Гальцевой. Н. Новгород: Новая гуманитарная культура, 2019. С. 11–15.

**RUSSIANS AND MORDVINS IN THE 13TH–15TH CENTURIES:
THE SETTLEMENT ASPECT OF INTERACTION (ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL DATA)**

N.N. Gribov

The paper presents the results of a comparative study of the areas of settlement of the medieval population in the area near the mouth of the Oka river in the 13th–15th centuries. We have determined the spatial and landscape correlation of the corresponding areas and their historical dynamics. The conclusion about different ecological niches developed by representatives of two ethno-cultural groups (Russians and Mordvins) is substantiated.

Keywords: settlement aspect of ethnic and cultural interaction, archaeological data, area, ecological niche, Volga-Oka right bank, mouth of the Oka river, Mordvins, Russian settlers, fully-developed Middle Ages, medieval settlement.

References

1. Klyuchevskij V.O. Sochineniya: v 9 t. T. I. Kurs russkoj istorii. Ch. I / Pod red. V.L. Yanina. M.: Mysl', 1987. 432 s.
2. Smirnov I.N. Mordva: istoriko-etnograficheskiy ocherk. Saransk: Tip. «Krasnyj Oktyabr'», 2002. 296 s.
3. Cirkin A.V. Russko-mordovskie otnosheniya v X–XIV vv. Saransk: Mordovskij gosudarstvennyj universitet, 1969. 111 s.
4. Shajdakova M.Ya. Nizhegorodskie letopisnye pamyatniki XVII v. Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo universiteta, 2006. 281 s.
5. Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 1. Lavrent'evskaya letopis'. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1997. 733 s.
6. Kuznecov A.A. Abramov gorodok, Staryj gorodok na Dyatlovyh gorah: onomasticheskie aspekty razvitiya narrativa o predshestvennike Nizhnego Novgoroda // Nizhegorodskie issledovaniya po kraevedeniyu i arheologii: Sbornik nauchnyh i metodicheskikh statej. Vyp. 14. N. Novgorod: Izd-vo Pixel-print, 2016. S. 68–74.
7. Solov'yov S.M. Istoriya Rossii s drevnejshih vremyon: v dvadcati devyati tomah. T. 2. M.: Polyaris, 1998. 559 s.
8. Peretyatkovich G. Povolzh'e v XV i XVI vekah (ocherki iz istorii kraja i ego kolonizacii). M.: Tip. Grachyova I.V., 1877. 338 s.
9. Tihomirov M.N. Drevnerusskie goroda. Izd. 2-e, dop. i pererab. M.: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoy literatury, 1956. 480 s.
10. Nikitin N.I. Russkaya kolonizaciya s drevnejshih vremyon do nachala XX veka (istoricheskij obzor). M.: Institut rossijskoj istorii RAN, 2010. 224 s.
11. Pudalov B.M. Nachal'nyj period istorii drevnejshih russkih gorodov Srednego Povolzh'ya (XII – pervaya tret' XIII v.). N. Novgorod: Komitet po delam arhivov Administracii Gubernatora Nizhegorodskoj oblasti, 2003. S. 193.
12. Kuznecov A.A. Vladimirskij knyaz' Georgij Vsevolodovich v istorii Rusi pervoj treti XIII v.: osobennosti prelomleniya istochnikov v istoriografii. Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2006. 539 s.
13. Kuznecov A.A. Mordva X – nachala XV v. po obshcherusskim letopisyam // Finno-ugry – slavyane – tyurki: opyt vzaimodejstviya (tradicii i novacii) / Sost. i obshch. red. A.E. Zagrebin, V.V. Puzanov. Izhevsk: Udmurtskij universitet, 2009. S. 334–342.

14. Kuznecov A.A. Etnopoliticheskaya situatsiya v regione ust'ya Oki nakanune Batyeva nashestviya // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istorija Rossii. 2018. T. 17. № 4. S. 863–889.
15. Anikin I.S. Naselenie bassejna reki Kud'ma v epohu srednevekov'ya (VI – nachala XV v.) // Nizhegorodskie issledovaniya po kraevedeniyu i arheologii: Sbornik nauchnyh i metodicheskikh statej / Otv. red. E.A. Molev. N. Novgorod: Nizhegorodskij gumanitarnyj centr, 1997. S. 3–11.
16. Anikin I.S. Finno-ugorskie neukrepyonnye poseleniya bassejna reki Kud'my v epohu srednevekov'ya // Drevnosti Nizhegorodskogo Povolzh'ya. Vyp. 1 / Otv. red. V.P. Makarihin. N. Novgorod: Rossijskoe istoricheskoe obshchestvo, Nizhegorodskoe otdelenie, 1997. S. 5–15.
17. Gribov N.N. Istorija slavyano-russkogo rasseleniya v Nizhegorodskom Povolzh'e v period XII–XIV vv.: Dis. ... kand. ist. nauk. N. Novgorod: NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2000. 298 s.
18. Gribov N.N. Mordva v kontekste russkoj kolonizatsii Nizhegorodskoj okrugii XIII–XIV vv. (po arheologicheskim dannym) // Povolzhskie finny i ih sosedi v epohu srednevekov'ya (problemy hronologii i etnicheskoy istorii): Tezisy dokladov Vserossijskoj nauchnoj konferencii 2–3 fevralya 2000 g. / Otv. red. V.V. Grishakov. Saransk: Izd-vo Mordovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta, 2000. S. 63–67.
19. Gribov N.N. Mordva v kontekste osvoeniya russkim naseleniem Nizhegorodskogo Povolzh'ya v XIII–XIV vv. // Kraevedcheskie zapiski. Saransk: Tip. «Krasnyj Oktyabr'», 2006. S. 22–27.
20. Gribov N.N. Novye dannye po istorii osvoeniya Nizhnej Oki v epohu rannego srednevekov'ya (po materialam Podvyaz'evskogo mogil'nika) // Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo s"ezda v Kazani 2014 g. Tom II / Otv. red. A.G. Sitdikov, N.A. Makarov, A.P. Derevyanko. Kazan': Otechestvo, 2014. S. 317–319.
21. Gribov N.N. Srednevekovoe gorodishche na meste byvshego Sarovskogo monastyrja // Drevnosti Nizhegorodskogo Povolzh'ya. Vyp. 1 / Otv. red. V.P. Makarihin. N. Novgorod: Rossijskoe istoricheskoe obshchestvo, Nizhegorodskoe otdelenie, 1997. S. 31–58.
22. Gribov N.N. Bol'shoe neukrepyonnoe poselenie v posurskih vladenyah Borisa Konstantinovicha Gorodeckogo // Arheologiya Vladimiro-Suzdal'skoj Rusi. Materialy nauchnogo seminara. Vyp. 8. M.: IA RAN, 2018. S. 99–111.
23. Gribov N.N. Nizhnij Novgorod v XV veke: poiski utrachenno goroda // Materialy spasatel'nyh arheologicheskikh issledovanij. T. 24. M.: IA RAN, 2018. 592 s.
24. Shitov V.N. Rasselenie drevnej mordvy (po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov) // Finno-ugorskij mir: istoriya i sovremennost': Materialy II Vserossijskoj nauchnoj konferencii finno-ugrovedov (Sekcii istoricheskikh i pedagogicheskikh nauk) / Otv. red. N.M. Arsent'ev. Saransk: Tip. «Krasnyj Oktyabr'», 2000. S. 52–60.
25. Mart'yanov V.N. Drevnyaya istoriya Arzamas'skogo kraja. Arzamas: Arzamas'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut, 2004. 443 s.
26. Nikitina T.B. Marijcy v epohu srednevekov'ya (po arheologicheskim materialam). Joshkar-Ola: MarNII, 2002. 432 s.
27. Gribov N.N. O vremeni poyavleniya pervyh finskikh pogrebenij na Nizhnej Oke // KSIA. Vyp. № 249. Chast' 2. M., 2017. S. 28–43.
28. Gribov N.N. Podvyaz'evskij mogil'nik na Nizhnej Oke: kul'turnye osobennosti i hronologiya (predvaritel'nye itogi issledovanij 2010, 2012–2015 gg.) // Epoha Velikogo pereseleniya narodov (Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii «I Starostinskie chteniya: Opornye pamyatniki Srednego Povolzh'ya i Prikam'ya pervoj poloviny – serediny I tys. n.e.») // Arheologiya evrazijskikh stepej. 2018. № 1. S. 190–198.
29. Grishakov V.V., Zeleneev Yu.A. Muroma VII–XI vv.: Uchebnoe posobie. Joshkar-Ola: MarGU, 1990. S. 77.
30. Nikolaenko T.D. Arheologicheskaya karta Rossii. Nizhegorodskaya oblast'. Chast' 4 (dopolnenie k chastyam 1–3). M.: IA RAN, 2015. – 478 s.
31. Bejlekchi V.V. Drevnosti letopisnoj muromy (pogrebal'nyj obryad i poseleniya). Murom: Izd-vo Moskovskogo psihologo-sociologicheskogo instituta, 2005. 275 s.
32. Grishakov V.V. Konskie pogrebeniya VIII – pervoj poloviny X vv. Chulkovskogo mogil'nika // Novye istochniki po etnicheskoy i social'noj istorii finno-ugrov Povolzh'ya: I tys. do n.e. – I tys. n.e.: Mezhdvuzovskij sbornik / Otv. red. Yu.A. Zeleneev. Joshkar-Ola: Izd-vo Marijskogo gosudarstvennogo universiteta, 1990. S. 127–146.
33. Gribov N.N. Sel'skaya okrug srednevekovogo Muroma na pravoberezh'e r. Oki // Uvarovskie chteniya-V: Materialy nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 1140-letiyu g. Muroma. Murom, 14–16 maya 2002 g. / Pod red. T. B. Kupryashinoy i Yu. M. Smirnova. Murom: Sterh, 2003. S. 18–22.
34. Gribov N.N. Otchyot ob arheologicheskoy razvedke v Bogorodskom rajone Nizhegorodskoj oblasti v 2017 godu // Arhiv IA RAN. F. 1. R-I. № 57622. L. 1–177.
35. Gribov N.N. Sopredel'nye zemli Gorohoveckoj volosti na pravoberezh'e Oki: osnovnye vekhi srednevekovogo osvoeniya // Gorohovec i zemli Oksko-Klyaz'minskogo mezhdurech'ya v XII–XVII vv.: istoriya i arheologiya: Materialy nauchnoj konferencii / Otv. red. N.A. Makarov. M.: IA RAN, 2017. S. 63–74.
36. Chetvertakov E.V. Mordovskoe voinskoe pogrebenie XIII v. so Starosel'skogo mogil'nika // Povolzhskie finny na perekryostke epoh: Sbornik statej po materialam Vtoryh i Tret'ih Dal'nekonstantinovskikh chtenij / Pod red. E.V. Chetvertakova, O.V. Gal'cevoj. N. Novgorod: Novaya gumanitarnaya kul'tura, 2019. S. 5–10.
37. Chetvertakov E.V. Pomrinskij mordovskij mogil'nik // Nizhegorodskaya mordva: istoriya i kul'tura: Sbornik statej po materialam pervyh Dal'nekonstantinovskikh chtenij / Red. E.V. Chetvertakov, O.V. Gal'ceva. Dal'nee Konstantinovo: Variant, 2017. S. 6–15.
38. Pochvennaya karta Nizhegorodskoj gubernii / Sostavlena prof. B.P. Serebryakovym i pochvoveda-miagronomami: S.A. Gorshunovym, A.V. Kazanskim, P.D. Krylovym, V.M. Troickim, P.N. Fedyancevym pod obshchej redakciej prof. B.P. Serebryakova. Pochvennye issledovaniya 1924–1926 gg. N. Novgorod: Izdanie Assoiatsii po izucheniyu proizvoditel'nyh sil Nizhegorodskoj gubernii, 1929. L. 1 [Elektronnyj resurs] // Pochvennaya karta Nizhegorodskoj gubernii 1929 g. Rezhim dostupa: http://www.etomesto.ru/map-nn_1929-pochva/ (data obrashcheniya: 10.04.2020).

39. Pochvy Gor'kovskoj oblasti / Nauchn. red. B.A. Nikitin. Gor'kij: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izd-vo, 1978. 192 s.
40. Alihova A.E. K istorii mordvy konca 1-go – nachala 2-go tysyacheletiya n.e. // Alihova A.E., Zhiganov M.F., Stepanov P.D. Iz drevnej i srednevekovoj istorii mordovskogo naroda: Arheologicheskij sbornik. T. 2. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izd-vo, 1959. S. 13–54.
41. Anikin I.S. Ob etnicheskoj prinadlezhnosti kurgannyh pogrebenij srednevekovoj mordvy (po materialam Sarlejskogo mogil'nika) // Povolzhskie finny i ih sosedi v epohu srednevekov'ya (problemy hronologii i etnicheskoj istorii): Tezisy dokladov Vserossijskoj nauchnoj konferencii 2–3 fevralya 2000 g. / Otv. red. V.V. Grishakov. Saransk: Izd-vo Mordovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta, 2000. S. 67–70.
42. Mart'yanov V.N. K voprosu o letopisnyh tverd'yah mordvy // Diskussionnye voprosy rossijskoj istorii: Materialy Vtoroj nauchno-prakticheskoj konferencii «Diskussionnye problemy otechestvennoj istorii v vuzovskom i shkol'nom kursah» / Otv. red. G.Sh. Sagatelyan. Arzamas: Arzamasskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut, 1995. S. 28–31.
43. Nasonov A.N. «Russkaya zemlya» i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva: istoriko-geograficheskoe issledovanie. Mongoly i Rus': istoriya tatarskoj politiki na Rusi. Izd. 2-e. SPb.: Nauka, 2006.
44. Nizhegorodskie marijcy: Sbornik materialov dlya izucheniya etnicheskoj kul'tury marijcev / Sost. N.V. Morohin; Nauchn. red. V.A. Akcorin. Joshkar-Ola: Centr narodnogo tvorchestva Ministerstva kul'tury Respubliki Marij El, 1994. 252 s.
45. Gribov N.N. Hronologiya keramicheskikh kompleksov russkikh poselenij epohi Zolotoj Ordy (po materialam pamyatnikov rajona ust'ya r. Oki) // Nizhegorodskie issledovaniya po kraevedeniyu i arheologii. Sbornik nauchnyh i metodicheskikh materialov. Vypusk 10 / Otv. red. E.A. Molev. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2006. S. 62–91.
46. Gribov N.N. Stratificirovannyj srednevekovyj gorizont v Nizhegorodskom kremle: usloviya formirovaniya i predvaritel'naya karakteristika // KSIA. Vyp. № 257. M., 2019. S. 247–260.
47. Arhangel'skij S.I. Volzhskij vodnyj put' i Nizhegorodskij kraj v XIII–XV veke // Nizhegorodskij kraevedcheskij sbornik. Trudy Nizhegorodskogo nauchnogo obshchestva po izucheniyu mestnogo kraya. T. 2. N. Novgorod: Tip. «Nizhpoligraf», 1929. S. 126–145.
48. Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 15. Rogozhskij letopisec. Tverskoj sbornik. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2000. 432 s.
49. Nasonov A.N. Materialy i issledovaniya po istorii russkogo letopisaniya // Problemy istochnikovedeniya / Otv. red. A.A. Novosel'skij. Vyp. VI. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1958. S. 235–276.
50. Anikin I.S. Kompleks srednevekovykh arheologicheskikh pamyatnikov u d. Gorodishchi // Nizhegorodskie issledovaniya po kraevedeniyu i arheologii. Sbornik nauchnyh i metodicheskikh materialov / Otv. red. E.A. Molev. N. Novgorod: Nizhegorodskij gumanitarnyj centr, 2001. S. 16–23.
51. Antropologicheskaya vystavka. T. II // Izvestiya IOLEAE. T. XXXI. M.: Izdanie Komiteta vystavki, 1878–1879. S. 423.
52. Mainov V. Les restes de la mythologie Mordvine // Journal de la Societe Finno-ougrienne. Helsinki, 1889. V. 4–291.
53. Zdobnikov P.P., Chetvertakov E.V. Kompleks arheologicheskikh nahodok s mordovskogo selishcha Pomra 4 (urochishche Staraya Pomra) // Povolzhskie finny na perekryostke epoh: Sbornik statej po materialam Vtoryh i Tret'ih Dal'nekonstantinovskih chtenij / Pod red. E.V. Chetvertakova, O.V. Gal'cevoj. N. Novgorod: Novaya gumanitarnaya kul'tura, 2019. S. 11–15.